Морозова А.Ю. «Я – не богостроитель!»: взгляды А.В. Луначарского на религию и социализм в контексте дискуссий о них в большевистской среде // *Технологос*. – 2020. – № 1. – С. 110–123. DOI: 10.15593/perm.kipf/2020.1.10

Morozova A.Yu. "I am not a God-builder!": A.V. Lunacharsky's Views on Religion and Socialism in the Context of Discussions on Them in a Bolshevik Environment. *Technologos*, 2020, no. 1, pp. 110-123. DOI: 10.15593/perm.kipf/2020.1.10

DOI: 10.15593/perm.kipf/2020.1.10

УДК 930.85:215:211.2

«Я – НЕ БОГОСТРОИТЕЛЬ!»: ВЗГЛЯДЫ А.В. ЛУНАЧАРСКОГО НА РЕЛИГИЮ И СОЦИАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ О НИХ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ СРЕДЕ

А.Ю. Морозова

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 30 января 2020 г.
Принята: 06 марта 2020 г.
Опубликована: 31 марта 2020 г.

Ключевые слова:

А.В. Луначарский, А.А. Богданов, В.И. Ленин, «богостроительство», коллективизм, М. Горький, история российской социал-демократии, совещание расширенной редакции «Пролетария».

АННОТАЦИЯ

Предметом рассмотрения в данной статье являются взгляды А.В.Луначарского, которые были квалифицированы его оппонентами как «богостроительство» и так и остались под этим ярлыком в последующие годы. Автор анализирует воззрения Луначарского на соотношение религии и социализма и обращает внимание на то, что религиозная терминология существенно затемняла их сущность и значение. В статье отмечается близость «богостроительских» идей Луначарского и коллективизма А.А.Богданова. В то же время подчеркивается, что Богданов всегда был против использования Луначарским религиозной терминологии и уподобления марксизма новой религии, а потому распространенное в литературе причисление Богданова к «богостроителям» неправомерно. В статье рассматривается реакция в большевистской среде на «богостроительские» взгляды Луначарского. Автор приходит к выводу, что острота и степень негативной реакции были во многом предопределены внутрифракционной борьбой между большевиками-ленинцами и «левыми» большевиками, сторонниками Богданова. Автор анализирует послеоктябрьские оценки Луначарским своих более ранних взглядов на соотношение религии и социализма и выделяет два периода. В начале и середине 20-х годов Луначарский сохранял верность своим старым идеям, хотя и модифицировал терминологию. В начале 30-х он вынужден каяться и объявлять свои прежние воззрения ошибочными. В статье оспаривается высказанная рядом авторов мысль о том, что идея Луначарского о создании нового бога дала ключ к построению идеологии сталинизма с его культом личности. В заключение автор статьи подчеркивает эмоциональную и вдохновляющую окрашенность идей Луначарского, стремившегося подчеркнуть не только научную, но и эмоциональную воодушевляющую сторону марксизма.

© ПНИПУ

© **Морозова Алла Юрьевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2330-3795>, e-mail: allamorozova1992@gmail.com.

© **Alla Yu. Morozova** – PhD, Senior Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2330-3795>, e-mail: allamorozova1992@gmail.com.

Статья подготовлена в рамках работы над проектом РФИ № 19-09-00215
«Ментальность и субкультура российского революционера 60-х годов XIX века – первой трети XX века».

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

"I AM NOT A GOD-BUILDER!": A.V. LUNACHARSKY'S VIEWS ON RELIGION AND SOCIALISM IN THE CONTEXT OF DISCUSSIONS ON THEM IN A BOLSHEVIK ENVIRONMENT

Alla Yu. Morozova

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 30 January 2020
Accepted: 06 March 2020
Published: 31 March 2020

Keywords:

A.V. Lunacharsky, A.A. Bogdanov, V.I. Lenin, "God-building", collectivism, M. Gorky, history of Russian social democracy, meeting of extended edition of "Proletarian".

ABSTRACT

The subject of this article is the views of A.V. Lunacharsky, which were qualified by his opponents as "God-building" and remained under this label in the following years. The author analyzes Lunacharsky's views on the relationship between religion and socialism and draws attention to the fact that religious terminology significantly obscured their essence and meaning. The article notes the closeness of "God-building" ideas of Lunacharsky and collectivism of A.A. Bogdanov. At the same time, it is emphasized that Bogdanov has always been against the use of religious terminology and the assimilation of Marxism to a new religion, and therefore the widespread in literature ranking of Bogdanov as "the God-builder" is illegal. The article deals with the reaction of the Bolshevik milieu to Lunacharsky's "God-building" views. The author concludes that the acuteness and degree of negative reaction was largely determined by the intra-factional struggle between Bolsheviks-Leninists and "left-wing" Bolsheviks, supporters of Bogdanov. The author analyzes Lunacharsky's post-October assessments of his earlier views on the relationship between religion and socialism, and highlights two periods. In the early and mid-20s, Lunacharsky remained faithful to his old ideas, although he modified the terminology. In the early 30s he had to repent and declare his previous views wrong. The article challenges the idea expressed by a number of authors that Lunacharsky's idea of creating a new god gave the key to building the ideology of Stalinism with its cult of personality. In conclusion, the author of the article emphasizes the emotional and inspiring coloring of Lunacharsky's ideas, which sought to emphasize not only the scientific but also the emotional inspiration of Marxism.

© PNRPU

Привлечению интереса к проблеме соотношения марксизма и социализма в их большевистском толковании и религии способствовал выход книги Ю. Слезкина «Дом правительства» в 2017 году на английском языке [1] и в 2019 году на русском [2]. Он обращает внимание на сходство идеологии большевизма и веры апокалиптических милленаристов и в своей книге рассматривает большевиков как милленаристскую секту, сквозь эту призму описывая жизни своих героев.

Предметом рассмотрения в данной статье являются взгляды А.В. Луначарского, которые были квалифицированы его оппонентами как «богостроительство» и так и остались под этим ярлыком в последующие годы. «Богостроительству» в целом и «богостроительским» идеям Луначарского было посвящено немало книг и статей. В советское время подавляющее большинство из них основывалось на ленинских взглядах, а затем и на зафиксированных в «Кратком курсе» чеканных формулировках, не оставлявших места для инакомыслия. В качестве характерного примера работ такого типа можно привести книги, заголовки которых говорят сами за себя [3, 4]. В постсоветское время оценки начали меняться, и стали появляться работы, в которых философия «богостроительства» рассматривается даже как «инвариант русского марксизма» [5], одна из «российских версий марксизма» [6], одна из «парадигм и стратегий социокультурного развития российской цивилизации» [7]. Впрочем, новый подход не помещал В.Ю. Пименову по-старому утверждать, что «богостроительство» развернуло «новую религиозно-философскую парадигму, представляющую синтез науки, идеологии, философии, религии и мистики» [5, с. 151]. А ведь Луначарский неоднократно подчеркивал, что новая «религия» не имеет ничего общего с прежними мистическими верованиями, что новый человек в рамках этой новой «религии» не летит к своему идеалу на «бесплотных крыльях мистической грезы» [8, с. 104].

Кроме того, Пименов утверждает, что в теоретической разработке «проекта “религиозного реализма”, или “богостроительства” А.В. Луначарский принимал активное участие наряду с М. Горьким и А.А. Богдановым» [5, с. 152]. В другой своей статье он также причисляет Богданова к «богостроителям» [7, с. 162]. К сожалению, подобное смешивание взглядов и идей Богданова и Луначарского не редко в современной литературе. Между тем Богданов заявлял, что его «всегда приводили в негодование всякие религиозные оболочки и выходки Луначарского» [9, с. 42–43]. Он подчеркивал, что, хотя в «богостроительстве» Луначарского «настоящей религиозной мысли нет», а есть лишь «религиозная терминология», последняя отнюдь не безобидна, так как, используя «религиозное знамя-слово “божество”», Луначарский собирает под свои знамена в том числе и «старорелигиозные и детски-религиозные» представления [10, с. 108–109].

Значительно более правильно, на наш взгляд, трактует взаимоотношение идей Богданова и Луначарского известная исследовательница Ю.Шеррер. Она приходит к выводу, что, «несмотря на непринятие Богдановым самого термина “богостроительство”, его философия коллективизма, или “пролетарская философия”, в течение нескольких лет находилась в тесном симбиозе с богостроительством Луначарского и Горького, понимаемым как возведение социализма в религию» [11, с. 83].

Другая известная исследовательница Д. Стейла справедливо отмечает: «Богданов разделял с ними (Луначарским и Горьким. – А.М.) и со своим старым другом Базаровым общую “философию коллективизма”, однако при этом он решительно отвергал религиозный язык, считавшийся им не только вводящим в заблуждение, но и сущностно порочным, настолько, что он даже убеждал Луначарского отказаться от него» [12, с. 551].

Т. О'Коннор, исследовавший борьбу внутри большевистской фракции в 1908–1909 годах, также подчеркивает, что основными представителями богостроительства были Луначарский и Горький, а Богданову и Красину «идея богостроительства была ...чужда» [13, с. 34].

Обратимся теперь непосредственно к предмету нашей статьи. Прежде всего необходимо отметить, что те основные подходы к марксизму и идеологии вообще, которые позднее ярко проявились в «богостроительских» сочинениях Луначарского, по его собственному признанию, сформировались у него довольно рано, еще в период его учебы у Р. Авенариуса. Уже тогда он «предчувствовал», что его «вера» – научный социализм – «неразрывно связан в плоскости оценки и идеала со всем религиозным развитием человечества, что он самый зрелый плод этого дерева» [14, с. 551].

Ключевым для понимания комплекса идей Луначарского о взаимоотношениях религии и социализма и его обоснования является его двухтомник «Религия и социализм» [8; 15]. В начале предисловия к первому тому Луначарский формулирует исходную свою посылку, свое понимание социализма, когда говорит «об определении места социализма **среди других религиозных систем** (выделено нами. – А.М.)» [8, с. 8]. *Свой необычный для социал-демократа взгляд на проблему Луначарский объясняет тем, что марксизм «никогда не воспринимался» им «как «сухая» экономическая теория. ...Прежде всего научный социализм был для него синтетической философией, гармонически соединявшей идеал и практику, реалистически и революционно увенчавшей собою грандиозный, глубоко волнующий душу порыв мысли учителей Маркса – великих немецких идеалистов». И поскольку ему «казалось, что никто в достаточной мере не подчеркнул этой эстетической и религиозной ценности нового мирозерцания и самого рабочего движения», он решил взять на себя эту задачу. В качестве доказательства правомерности своего подхода Луна-*

чарский приводит слова К.Либкнехта: «Если мы во время исключительного закона о социалистах приносили величайшие жертвы, <...> чтобы служить нашему делу, то *это было религией*, но не религией попов, а *религией человечества*» [8, с. 37].

Встретив Луначарского на международном конгрессе II Интернационала, проходившем в Копенгагене в августе – сентябре 1910 года, Ленин обрушился на него с гневными филиппиками за его «богостроительские домыслы». По воспоминаниям Луначарского, обвинения звучали так: «Самое позорное в этой вашей позиции, <...> это то, что вы действительно воображаете, будто делаете честь марксизму, когда называете его величайшей из религий, и будто вы чем-то украшаете его, когда, не ограничиваясь этим мерзейшим понятием – религия, еще при помощи разных ухищрений притягиваете туда и позорное слово „бог“. <...> Вы пытаетесь поставить социализм в одну шеренгу с религией, вы пытаетесь перебрасывать мосты через непроходимые бездны, которые отделяют материализм от всего, хотя бы слабо пахнущего поповством» [16, с. 499–500].

«Досталось» Луначарскому и в «главной философской книге» Ленина – «Материализм и эмпириокритицизм». Главной его виной Ленин считал то, что «позорные вещи, до которых опустился Луначарский» («договорился до “обожествления высших человеческих потенций”, до “религиозного атеизма”»), – «не исключение, а порождение эмпириокритицизма, и русского, и немецкого». Единственное, что в глазах Ленина извиняет Луначарского, это то, что в его словах пока еще нет прямого фидеизма. И потому большевики и воюют с ним, что видят в его словах «особый смысл», а значит, «*пока еще есть почва для товарищеской войны*» [17, с. 366]. Впрочем, по мнению Ленина, «в том-то и позор заявлений Луначарского, что он *мог* связать их с своими «хорошими» намерениями. В том-то и зло его «теории», что она допускает *такие* средства или *такие* выводы в осуществление благих намерений» [17, с. 366].

Перечитывая эти строки, трудно не согласиться с авторами, отмечавшими, как, в частности, Ю. Боров, что «в критических откликах Ленина на религиозные искания Луначарского порою брани было больше, чем аргументов» [18, с. 40–41]. Но своей напористостью, резкими характеристиками и обилием цитат и ссылок на авторитеты они производили убедительное впечатление на неискушенную партийную публику. Хотя более образованные и понимающие суть спора читатели видели, как, в частности, Богданов, что «при этих анафемах отлучающие [от марксизма] систематически *извращают* мысли Луначарского, не объясняя их сущности и стараясь внушить читателю, что Луначарский говорит о религии в обычном, традиционном смысле слова» [10, с. 113].

Чтобы понять, кто из них был более прав в оценке взглядов Луначарского, обратимся к тексту последнего. С точки зрения Луначарского, иметь религию – «значит уметь мыслить и *чувствовать* мир таким образом, чтобы противоречия законов жизни и законов природы разрешались для нас. *Научный социализм разрешает эти противоречия, выставляя идею победы жизни, покорения стихии разуму путем познания и труда, науки и техники*» [8, с. 42]. Залог долгожительства религии, по мнению Луначарского, в том, что «наука, система – дело головы и удовлетворяет голову», она «не должна отвечать на вопросы «хорошо ли? дурно ли?», «не имеет никакого отношения к чувству любви, к надежде». Отвечает на эти вопросы и удовлетворяет эти чувства религия, более того – она «констатирует зло в мире и ищет победы над ним, и находит ее в надежде» [8, с. 42].

Новая религия без Бога, по Луначарскому, возможна потому, что в основе религии лежит «допущение высшей силы, родственной индивиду, близкой ему, на которую он мо-

жет возложить свои упования». В отличие от старых религий, которым была «присуща идея индивидуального бессмертия духа человеческого в его творениях», в новой религии человек находит бессмертие в общности, ибо «для него реальность – вид, человечество, а индивид лишь частное выражение этой сущности. <...> Но отвергая себя ради вида, индивид находит себя удесятенно сильным». Еще одно отличие новой религии от старой в том, что старые религии давали «безусловную гарантию в торжестве добра», а потому вели к пассивности, а «новая религия вся уходит в действие», ибо она – «в надежде на победу, в стремлении, напряжении сил». И все же, хотя «новая религия, религия человечества, религия труда, не дает гарантий», «и без бога и без гарантий – маски того же бога – она остается религией» [8, с. 48].

В отличие от старых религий, служивших для порабощения людей, новая религия, напротив, возвещает его могущество, в ней «тип активный, экономический, усмотрел свое грядущее царство. “Если бога нет”, сказал он, “значит я могу стать им”» [8, с. 87]. Но речь идет не о властвовании супериндивида, а о владычестве вида, человечества в целом: «Где самопожертвование во имя великой цели становится обычным явлением – ...там человек делает усилие победить свою ограниченность и создать бога из себя и братьев своих» [8, с. 73].

Заметим кратко, что если отбросить религиозную терминологию, то мы увидим, как близки эти рассуждения Луначарского к размышлениям А.Богданова о коллективизме и о новом человеке. Впрочем, есть и серьезные отличия, которые подчеркивал Богданов. Из-за свойственного Луначарскому *«религиозного оттенка чувства»*, которое «заключает в себе *веру и преклонение*», «у Луначарского имеется *вера* в коллектив и *преклонение* перед ним. То и другое надо отвергнуть. Чтобы преклоняться перед коллективом, надо прежде всего *отделить себя от него*. Кто чувствует себя вполне членом коллектива, ...у того возможна только *гордость* ощущения коллективной силы, элементом которой сам он является» [10, с. 110].

Наконец, для Луначарского, чью эмоциональность отмечали многие современники, моменты всеобщего воодушевления, самоотверженности, самопожертвования также оказываются религиозно окрашенными. Он пишет: «Религиозны те моменты, когда человек, или толпа, или класс поднимается высоко над собою, чтобы жить в веках, чтобы жить и умереть в свете желанного грядущего, солдатом единой армии завоевательного труда» [8, с. 73]. Представляется, что в данном случае речь действительно может идти об употреблении религиозной терминологии для обозначения чувств и порывов, не имеющих чисто религиозного смысла и значения в традиционном понимании религиозных терминов. Чувство общности с другими индивидами, охваченными теми же помыслами и стремлениями, чувство просветления от сознания выполненного долга, от помощи другим людям – все эти возвышенные чувства отнюдь не религиозны, если понимать религию как учение о Боге.

Но новая религия, по Луначарскому, – это религия без Бога. Более того, он подчеркивает, что не приемлет Бога, так как «он не нужен, эта иллюзия напротив – вредна». Для него религия – это «система чувств, высоко подымающих человека над его будничным уровнем, над корыстью, мелкой расчетливостью, одиночеством, трусостью – до того плоского рья, где веет ветер свободы, где сердца бьются в унисон ...и растут крылья творческой мечты...». Без Бога «вся высота религии остается, но мир перестает быть тиранией... Человек человеку бог» [8, с. 90].

По мнению Луначарского, развитие человечества, уменьшающаяся его зависимость от сил природы и от сил капиталистического общества будет способствовать его освобождению

от веры во всевластие Бога. Главный же «богоубийца» – это «выросший труд». Но он также и «создатель новой религии, ибо он ставит целью победу над природой, устранение зла, торжество разума над стихийностью, вечно растущую мощь, непрерывное совершенствование вида, т.е. исполнение исконных желаний человека» [8, с. 94]. Провозвестником и проповедником новой религии, по Луначарскому, будет, конечно, пролетарий, «воспитанный широким сотрудничеством и могущий надеяться на успех только опираясь на широкие интернациональные союзы... Рабочий союз воистину камень новой церкви» [8, с. 104].

В упоминавшейся выше беседе с Лениным Луначарский пытался объяснить собеседнику мотивы своих попыток объяснить этическую ценность марксизма сквозь призму религии и в привычных для неискушенного в марксизме читателя религиозных терминах: «...я думал, что социализм выигрывает от раскрытия его этической ценности, от того, что он будет представлен как полный ответ на все религиозные проблемы и, таким образом, как завершитель и разрушитель, ликвидатор всякой религии. Я думал, что так будет по крайней мере в глазах людей, которые, не будучи пролетариями, своими особыми путями ищут дороги к пролетарской истине». Но Ленин был неумолим: «А на что нам симпатии людей, которые могут проникнуться к нам любовью, только если мы навяжем на себя всякое зловонное тряпье старых вреднейших предрассудков?» [16, с. 500].

Засмеявшись, но «отнюдь не дружелюбно», он продолжил: «Вы скользите от марксизма в гнуснейшее болото, и если вы не опомнитесь и уже не станет яснее в головах от того удара, который на вас обрушила партия, то, боюсь, вы не сумеете спастись от самой неприглядной судьбы, жертвой которой делались и до вас всякие неустойчивые типы, случайно забредшие в ряды пролетарской партии и потом потерявшие черт знает в каком-то историческом мусоре» [16, с. 500].

Удар, о котором говорил Ленин, обрушился на Луначарского в начале 1909 года. В 42-м номере центрального органа большевистской фракции РСДРП газеты «Пролетарий» (от 12 (25) февраля 1909 г.) была напечатана статья Л.Б. Каменева «Не по дороге», посвященная критике взглядов А.В. Луначарского, сформулированных, в частности, в его статье во втором сборнике «Литературный распад» [19].

Статья была опубликована, несмотря на протесты Марата (В.Л. Шанцера) и А.А. Богданова, ссылавшихся на заявление редакции о нейтральности в философских спорах внутри большевистской фракции, принятое 24 февраля 1908 года. Богданов настаивал на неправомерности утверждения редакции о том, что резолюция о нейтральности не имеет отношения к борьбе с-д партии с религией. Он подчеркивал, что нельзя смешивать «философское употребление <...> Луначарским ...терминов религиозного происхождения с религией в историческом значении этого слова» [9, с. 271] и что нападки на Луначарского возникли в связи с расколом в редакции. Позднее Каменев фактически признал правоту Богданова. В 1922 году, включая свою статью в сборник «Между двумя революциями», он снабдил ее следующим примечанием: «...она была первым печатным выступлением нашей группы (тогдашней редакции «Пролетария», состоявшей из тт. Ленина, Зиновьева и меня) против группы Богданова – Луначарского» [20, с. 158]. (Это примечание было повторено и во втором издании книги, вышедшем в 1923 году [21, с. 260].)

В статье Каменева утверждалось, что «ошибка Луначарского заключается в том, что он полагает, что существуют какие-то другие способы привлечения трудящихся масс к знамени научного социализма, кроме того экономического процесса, который пролетарирует эти массы и передвигает их на точку зрения пролетариата», а «основная фальшивая

нота» в его рассуждениях – «стремление придать социализму более приемлемую для не-пролетарских слоев форму» [21, с. 262]. В заключение Луначарский обвинялся в том, что он недостаточно усвоил научный социализм, а его теории, которые «могут только затруднить критическую работу пролетарского социализма» и запутать рабочих, приравнивались к «социалистической политике, приспособляемой к тому, чтобы “не запугать либеральную буржуазию”» [21, с. 266].

Что же такого написал Луначарский в своей рецензии на 23-й сборник «Знания»? Разбирая повесть М. Горького «Исповедь», Луначарский пишет, что в лице Ионы, которого, странствуя в поисках правды, встречает главный герой произведения Матвей, он «сталкивается с “новой верой”, с истиной, которую несет миру пролетариат». Луначарский признает, что Иона «не удовлетворяет всем тем требованиям, которые предъявляются к сознательному партийному пропагандисту», он только «предтеча пролетарской мысли», как и сам нынешний пролетариат только предтеча грядущего хозяина жизни. Но «Иона дает общую истину, не определяя ее точно. И в этой общей форме она доступнее такому человеку, как Матвей. <...> Ищешь Бога? Бог – есть человечество грядущего, строй его вместе с человечеством настоящего, примыкая к передовым его элементам... Этот Бог не родился еще – строится только...» [19, с. 92]. Но главное – Луначарский признает, что эта теория верна и с социал-демократической точки зрения: «Не в наших терминах изложена, но по существу она наша. Это та же музыка, наша музыка, только играют ее на новых инструментах...» [19, с. 93].

По мнению другого героя повести – Михайло, Бог воскреснет, когда «вся воля народа вновь сольется в одной точке». То, перед чем он «согласен благоговеть, есть грядущая коллективная воля народа». Луначарский обожествляет этот коллектив будущего, в котором исчезнет нынешнее подавление личности обществом, в этом коллективе «живом, органическом и творческом» личность будет «дорога именно своими особенностями» [19, с. 95]. В одном не согласен Луначарский с Михайлом – в том, что он полагает, что Бог, которого он чает, существовал уже когда-то, но был разрушен. Возражая Михайлу, Луначарский восклицает: «Бог, которого хочет Михайло, еще только должен родиться. Это – власть коллективной, разумной воли. <...> И никогда не родится бог *всемогущий*, ибо бесконечна и необъятна вселенная, ...но родится с упрочением социализма могучий коллективный разум – человек» [19, с. 96].

Анализируя замысел Горького и общий настрой повести, Луначарский приходит к выводу, что то, во что верит автор, то, к чему он зовет, – это «мощь коллектива, красота экстаза коллективной жизни, чудотворящая сила коллектива». Но уже сейчас «порывами, моментами» вспыхивает «коллективное настроение», «иногда и случайно» сливаются «кое-где человеческие массы в единоволющее целое» [19, с. 96–97]. В качестве примера такого слияния Горький приводит описания «чуда», происшедшего во время крестного хода, а Луначарский подчеркивает, что за «обрядовой и суеверной обстановкой, наличностью старорелигиозного экстаза» скрывается истинная сущность, заключающаяся в «наличности *общего* настроения, *общей* воли». «Какова же оценка этого события?» – спрашивает Луначарский. И отвечает: «Самая положительная по отношению к факту, самая отрицательная по отношению к его формальной оболочке» [19, с. 97].

Однако ортодоксальные марксисты ленинского толка не разделяли восторгов Луначарского и в цитировавшейся выше статье устами Каменева обвинили его в том, что он (Луначарский) «на место критики первоначальных форм социализма» поставил «апологетику этих

форм», которая представляет собой «преступление в устах научного социалиста – в устах марксиста!» [21, с. 263]. Более того, по мнению Каменева, пытаюсь облечь социализм в такие формы, которые бы удовлетворили методы мышления, выражающиеся в поисках Бога, «т. Луначарский незаметно для себя оказался по ту сторону баррикады, по сю сторону которой научный социализм борется за полное освобождение человечества от всякого гнета, между прочим, и от гнета религиозных фетишей» [21, с. 264]. И, наконец, раскритиковав позицию Луначарского по отношению к описанному в «Исповеди» «чуду», Каменев делает вывод: «нам не по дороге с проповедниками такого социализма» [21, с. 266].

Отвечая на эти слова, Луначарский в своем заявлении состоявшемся в июне 1909 года Совещанию расширенной редакции «Пролетария», фактически выполнявшей роль большевистского центра, характеризовал статью Каменева как, с одной стороны, имеющую «характер официального порицания» его литературной деятельности и «почти равносильную своеобразной экскоммуникации, отлучению», а с другой – задуманную и выполненную «крайне спешно, невнимательно и... легкомысленно». Отметив, что его заявление имеет «своей целью, с одной стороны, самозащиту, с другой – обвинения редакции “Пролетария”», и подробно разобрав аргументы своего оппонента и ответив на них, Луначарский приходил к следующему выводу: «...редакция с радостью ухватила за “разногласия” и подняла историю, *не сделав ни малейшей попытки избежать ее*; редакция *нарушила философский нейтралитет* “Пролетария”; редакция *бросила мне обвинения в практических отклонениях* от тактики социал-демократии» [9, с. 158–159].

На это заявление Каменев ответил в своем докладе по вопросу о «богостроительстве». Он отметил, что в печати уже начинают приписывать богостроительские идеи всей большевистской фракции, что совершенно недопустимо; что, конечно, нельзя смешивать богоискателей и Луначарского, ибо «те – реакционеры, а Луначарский – только плохой революционер». Он также подчеркнул, что «богостроительство есть скрытая форма борьбы с марксизмом, и Луначарский дойдет до крайних пределов критики марксизма и тем самым исключит сам себя из партии». «Исключить его из партии мы, к сожалению, не можем, – продолжил Каменев, – но можем исключить из того идейного единства, в котором мы находимся». Каменев также заявил, что заявление Луначарского «указывает на то, что это пишет человек, посторонний фракции» [10, с. 39–40].

Однако следующие его слова свидетельствовали о том, что вопрос о религиозной терминологии и «богостроительских» идеях был все же вторичен по отношению к разногласиям политическим и тактическим. Каменев вспомнил, что во время революции 1905 года большевики «не выступали против религиозных тенденций», так как важнее было единство действий, а вот теперь этого прощать нельзя и надо бороться против этого [9, с. 40]. Нетрудно заметить в этих словах почти дословное повторение ленинской аргументации из статьи «Об отношении рабочей партии к религии» («Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так, чтобы быть понятнее... Другое дело, если писатель начинает проповедовать «богостроительство» или богостроительский социализм (в духе, например, наших Луначарского и К⁰). Насколько в первом случае осуждение могло бы быть придижкой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, ... настолько во втором случае партийное осуждение необходимо и обязательно» [22, с. 423]).

После бурных прений Совещание приняло с рядом поправок предложенную Каменевым резолюцию «О богостроительских тенденциях в социал-демократической среде», в которой отмечалось, что расширенная редакция «рассматривает это течение, особенно ярко пропагандируемое в статьях т. Луначарского, как течение, порывающее с основами

марксизма, приносящее по самому существу своей проповеди, а отнюдь не одной терминологии, вред революционной социал-демократической работе по просвещению рабочих масс, и что ничего общего с подобным извращением научного социализма большевистская фракция не имеет» [9, с. 174].

Историю своего конфликта с редакцией «Пролетария» Луначарский разбирал в статье «Несколько слов о моем богостроительстве», напечатанной в вышедшем в конце 1909 – начале 1910 года листке «Ко всем товарищам!», в который вошли также статьи Максимова (А.А. Богданова). Отвечая на предъявленные ему обвинения, он прежде всего отмечал, что никогда не относил себя к богостроителям и если и употреблял этот термин, то исключительно в переносном смысле. Впрочем, продолжал он, «если в наше время существуют богостроители, т.е. люди, сознательно стремящиеся к торжеству разума над стихиями, то это, конечно, никто иной как социалисты» [23, с. 7]. Что же касается термина религия, то «научный социализм с некоторой точки зрения может рассматриваться как наивысшая форма религии, устраняющая все предшествующие формы», так как «он является самым полным, самым удовлетворительным и реальным ответом на те же вопросы, какие ставило себе человечество в своем религиозном мышлении» [23, с. 7].

Использование религиозной терминологии Луначарский объяснял тем, что «хотел подчеркнуть часто забываемую и вообще как бы затертую у нас сторону пролетарского мирозерцания, сторону, обращенную к чувству, высочайший и последовательнейший идеализм нового класса...». Однако, – продолжал Луначарский, – я отказываюсь от своей терминологии, так как она «создала вокруг моих идей столь густую атмосферу лжи, вольных и невольных недоразумений, в такой степени затруднила истинное понимание их, что невыгоды ее, по сравнению с выгодами, сделались совершенно ясными и для меня самого» [23, с. 8]. Но он также подчеркивал, что «самым худшим видом религиозности, догматизма, церковщины и поповщины является косность мысли и обскурантизм, с криком требующий партийного суда над всяким, кто высказал непривычную мысль» [23, с. 8].

Впрочем, несмотря на продекларированный отказ от религиозной терминологии, во втором томе своего труда «Религия и социализм» Луначарский вновь постулирует: «Марксизм, как философия, является новой, последней, глубоко критической, очистительной и вместе синтетической религиозной системой», потому что «она вытекает из религиозных исканий прошлого, оплодотворенных фактом экономического роста человечества, что она дает самое светлое, самое реальное, самое активное разрешение тем «проклятым вопросам» человеческого самосознания, которые иллюзорно разрешались старыми религиозными системами» [15, с. 326]. Утверждать подобное позволяет Луначарскому его весьма своеобразное, но не лишенное логики понимание термина религия и религиозность. Будучи человеком эмоциональным, «натурой артистической», как называл его Ленин, Луначарский подчеркивает важность не только рациональной, но и эмоциональной убежденности человека в тех идеалах, к которым он стремится, душевной близости его с другими членами коллектива, в который он входит – а в будущем, в потенции, этим коллективом станет все человечество. Если антирелигиозность понимать как отрицание существования Бога и помещение вместо него в центр мира отдельного индивида и его интересов, то – утверждает Луначарский, «коллективист религиозен», потому что человеком, вставшим на точку зрения вида, коллектива, класса, движут не рациональные, не материальные соображения, а «иррациональные с точки зрения эгоизма чувства»: «не личная нужда, а сознание угнетенного положения целого класса, не личные выгоды, а классовые цели». В поступках истинного революционера мы видим «романтическую, самоотверженную, религиозно сверх-индивидуальную социал-

демократическую практику» [15, с. 354–355]. По мнению Луначарского, в этом вся суть марксизма. «Эмоциональный коллективизм» удовлетворяет «эту религиозную потребность человеческую – находить счастье в сознании себя частью великого целого» [15, с. 363].

Подводя итог своим рассуждениям, Луначарский дает исчерпывающее объяснение, почему, говоря о социализме и коллективизме, он оперирует религиозными терминами: «Не связь механическая или химическая, не связь не осознанного инстинкта спаяет людей в человечество, но связь психическая, сознательно эмоциональная. Эта связь и есть религиозное чувство, о котором мы говорим, и если дополним мы его религиозным практическим идеализмом, т. е. стремлением подчинить законы природы законам жизни путем познания и труда, мы будем иметь всю религию во весь ее рост в ее подлинной ничем не искаженной красоте» [15, с. 369].

Нетрудно заметить, что подход Луначарского кардинально противоположен основному подходу, доминировавшему в марксизме того времени, с его опорой на рациональность, экономическую предопределенность, материалистическое объяснение поведения человека его классовой принадлежностью, его местом в системе производственных отношений. В противовес ему он предлагает «признание научного социализма светом светов, пламенным средоточием человеческих упований, величайшей поэзией, величайшим энтузиазмом, величайшей религией» [15, с. 395].

Этот патетический пассаж Луначарского не преминул высмеять Каменев в статье «Религия против социализма, Луначарский против Маркса», опубликованной в газете «Социал-демократ» в декабре 1911 года. Подвергнув критике все основные постулаты Луначарского и походя приписав ему «налет мании величия» и «тон непризнанного пророка», Каменев обвиняет его в «фальсификации марксизма для удовлетворения сидящего еще в нем попа» и «луначаризировании» Маркса, а его сочинения называет «благоглупостями», «скучной, бессистемной компиляцией», «сборником цитат», которые «прерываются пророчествами и сентиментальными припадками дурного вкуса», «религиозной контрабандой», закутанной в историческое исследование, исторической добросовестности которого ни в коем случае нельзя доверять.

И после этой уничтожающей критики Каменев задается вопросом, «почему же мы занялись в политическом органе этой жалкой, многословной попыткой фальсификации марксизма?» Его ответ объясняет подзаголовок статьи «О том, что у нас иногда принимают за “идейные центры”?» – «Потому, что т. Луначарский хочет не только бога строить, но партию строить; потому, что он выступает представителем и порт-паролем политической группы («Вперед»), называющей себя частью Российской С.-Д. Р. П., потому, что ...он претендует на решающий голос среди марксистов; потому, что находятся люди, которые считают его и поддерживающих его друзей «идейным центром!», с которым марксисты должны вступить в соглашение и т.д.» [21, с. 278]. В этих строках Каменев признает, что основная причина, по которой он подвергает Луначарского столь «зубодробительной» критике, это стремление заклеить идейного противника и навесить на него такие ярлыки, которые отвратят от него потенциальных сторонников из числа социал-демократов.

Своим идеям о важности эмоциональной стороны марксизма и революционного мировоззрения Луначарский оставался верен многие годы. В 1925 году была опубликована его книга [24], в которую он включил несколько глав из второго тома «Религии и социализма». Сравнив тексты 1911 года и 1925 года, Д.Стейла отмечает: «В 1925 году Луначарский систематически «очистил» свой текст, удалив религиозную терминологию, но делал

он это так, что «эмоциональная» составляющая оставалась неизменной». Проанализировав изменения, внесенные в 1925 году Луначарским, она приходит к выводу, что он «явно не собиравшись отказываться от своих дореволюционных взглядов, он лишь несколько подправил свою терминологию» [12, с. 558, 562]. По словам В.Д. Жукоцкого, «это был последний всплеск надежды» [25].

А вот в 1931 году исправлением терминологии отделаться уже было нельзя. И Луначарский пишет для второй книги «Литературного наследия» статью, состоявшую из двух отдельных частей. Напечатана в 1932 году была только вторая часть («Борьба с мародерами»), первая же сохранилась лишь в виде машинописной копии. В ней он каялся в многочисленных ошибках своей жизни, «среди которых есть и серьезные». «Самым ложным шагом», который был им сделан, он считает «создание своеобразной философской теории, так называемого “богостроительства”» [16, с. 497]. Луначарский, признавая свои ошибки и правоту большевиков-ленинцев, сурово осудивших его, пытается оправдать свои тогдашние настроения и писания тем, что он исходил из лучших побуждений и полагал, что делает «полезное для партии дело». По его словам, цель своей работы он видел тогда в том, что «надо только суметь в своеобразной полупоэтической публицистике вскрыть внутреннее содержание учения Маркса и Энгельса, чтобы оно приобрело новую притягательную силу» для тех элементов, которым будет легче придти к нему «через свое религиозно-философское мышление». «Бога нужно не искать, толковал я, – продолжает Луначарский, – его надо дать миру. ...Путь борьбы за социализм, т.е. за триумф человека в природе, это и есть богостроительство» [16, с. 498].

Впрочем, по мнению Луначарского, партия обратила «обостренное внимание» на его «быть может, лишённые какого-либо серьезного значения книги» из-за двух приводящих обстоятельств: во-первых, из-за его членства в «группировке впереводцев, которая, чем дальше, тем больше, означалась как нетерпимая в общеполитической фракции»; во-вторых, из-за того, что «меньшевики уже начали пользоваться философскими ошибками впереводцев», в том числе и его «грубыми заблуждениями, чтобы бросать тень на всю большевистскую фракцию» [16, с. 498].

Исследователи по-разному оценивают этот отказ от своих прошлых убеждений. Так, например, А.А. Лебедев полагает, что богостроительство «было изжито или “снято” самим же Луначарским» [26, с. 38]. А В.Д. Жукоцкий, напротив, считает, что «теоретическое «сектантство» Луначарского было раздавлено практическим сектантством Ленина–Сталина. Но раздавлено лишь по способу своего существования – как одной из философских концепций русского марксизма. Зато идеальное содержание философского построения Луначарского от этого нисколько не пострадало, а даже выиграло своей непосредственной воплощенностью в практику социального строительства» [25]. Более того, он полагает, что слова о необходимости не искать Бога, а дать его миру «напрямую обращены к Сталину и в них Луначарский дает ключ, универсальную отмычку к построению грандиозной идеологической системы сталинизма»: пока Бог «не дан в живой коллективности людей, о которой пророчествовал Богданов, он должен быть дан в идеальном образе *вождя*, воплощающего эту будущую коллективность и само движение, сам путь к нему» [25].

Последнее утверждение представляется сильной натяжкой. Хотя Луначарский и не был столь последовательным борцом с авторитетами и авторитарностью, как Богданов, он все же был приверженцем коллективизма. И его «бог», которого предстояло построить человечеству, не персонифицировался в одной личности, в одном вожде. Луначарский всегда

подчеркивал коллективную сущность этого «бога». Несмотря на ленинские обвинения в том, что «всякий человек, занимающийся строительством *бога* или даже только допускающий такое строительство, *оплевывает себя* худшим образом, занимаясь вместо «деяний» *как раз* самосозерцанием, самолюбованием, причем «созерцает»-то такой человек самые грязные, тупые, холопские черты или черточки своего «я», обожествляемые богостроительством» [27, с. 227], «богостроительство» Луначарского, напротив, всегда подчеркивало значение коллектива, частью которого человек себя осознал (не по принуждению, а исходя из собственных мыслей и чувств).

Некорректным кажется нам и утверждение К.Н. Любутина и С.В. Франц, что «аксиологическая символика [произведений Луначарского] накладывалась, с одной стороны, на массовое сознание, с другой – на сознание Иосифа Сталина. Эта символика Луначарского оказалась пророческой: «Восставшие рабы могут иметь своего бога»» [6, с. 112]. Истоки культа личности Сталина, в своем экстремуме доходившего почти что до обожествления «вождя народов», на наш взгляд, следует искать отнюдь не в коллективистической «религии без бога» Луначарского, а в авторитарности большевиков-ленинцев с их идеалом централизованной партии и единственным непререкаемым лидером.

В заключение хочется согласиться с теми авторами, которые подчеркивали эмоциональную, воодушевляющую, порой даже восторженную окрашенность построений Луначарского, который стремился «*дать эстетически выверенный светлый образ марксистского мирозерцания и марксистского типа жизнедеятельности*» [25] и «к тому, чтобы новорожденная советская культура воспламеняла дух, вызывая фундаментальное чувство принадлежности к новому становящемуся человечеству» [12, с. 562]. Открытым, на наш взгляд, остается вопрос, было ли удачным и оправданным использование им для раскрытия своих идей религиозной терминологии, которая воспринималась и современниками, и исследователями неоднозначно, порой заслоняя истинный смысл и цель высказываний Луначарского.

Список литературы

1. Slezkine Yu. The House of Government: A Saga of the Russian Revolution. – Princeton: Princeton University Press, 2017. – 1128 p.
2. Слезкин Ю. Дом правительства. Сага о русской революции. – М.: Corpus, 2019. – 976 с.
3. Царицын А.М. Ленин в борьбе с богостроительством. – М.: ОГИЗ, Гос. антирелиг. изд-во, 1939. – 53 с.
4. Розенберг Э.И. Разоблачение В.И. Лениным реакционной сущности «богоискательства» и «богостроительства» // Единство Коммунистической партии – главное условие ее силы и непобедимости: сб. ст. – Новосибирск [б.и.], 1961. – С. 52–76.
5. Пименов В.Ю. Философия богостроительства как инвариант русского марксизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 6 (12): в 3 ч. – Ч. III. – С. 150–153.
6. Любутин К.Н., Франц С.В. Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 170 с.
7. Пименов В.Ю. Богостроительство и богоискательство как парадигмы и стратегии социокультурного развития российской цивилизации // Вестник ТГУ. – 2009. – Вып. 11. – С. 160–163.
8. Луначарский А.В. Религия и социализм. Т. 1. – СПб.: Шиповник, 1908. – 234 с.
9. Протоколы Совещания расширенной редакции «Пролетария». – М.: Партиздат, 1934. – 294 с.

10. Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904–1914) // Неизвестный Богданов. Кн. 3. – М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. – 283 с.
11. Scherrer J. Culture Proletairenne et Religion Socialiste entre Deux Revolutions: Les «Bolsheviks de Gauche» // Europa 2 (Spring 1979). – P. 67–90.
12. Стейла Д. Богостроительство и авторитаризм: проблема соотношения большевизма и религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1–2. – С. 541–566.
13. О'Коннор Т. Анатолий Васильевич Луначарский // Вопросы истории. – 1993. – № 10. – С. 28–46.
14. Луначарский А.В. Автобиографическая заметка // Литературное наследство. – А.В. Луначарский. Неизданные материалы. – М.: Наука, 1970. – Т. 82. – С. 550–553.
15. Луначарский А.В. Религия и социализм. – СПб.: Шиповник, 1911. – Т. 2. – 398 с.
16. Луначарский А.В. К вопросу о философской дискуссии 1908–1910 гг. // Литературное наследство. Т. 82. А.В. Луначарский. Неизданные материалы. – М.: Наука, 1970. – С. 497–501.
17. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 18. – С. 7–384.
18. Боров Ю. Луначарский. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 303 с.
19. Луначарский А.В. Двадцать третий сборник «Знания» // Литературный распад. Кн. 2. – СПб.: EOS, 1909. – С. 84–119.
20. Каменев Л.Б. Между двумя революциями. – М., 1922.
21. Каменев Л.Б. Между двумя революциями. – 2-е изд. – М.: Новая Москва, 1923. – 634 с.
22. Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 17. – С. 415–426.
23. Луначарский А.В. Несколько слов о моем «богостроительстве» // Ко всем товарищам. – Париж, 1909. – С. 7–8.
24. Луначарский А.В. От Спинозы до Маркса. Очерк по истории философии как мирозерцания. – М.: Новая Москва, 1925. – 133 с.
25. Жукоцкий В.Д. Богостроительское откровение Анатолия Луначарского // Русская Реформация. – М.: Новый хронограф, 2008.
26. Лебедев А.А. «Последняя религия» // Вопросы философии. – 1989. – № 1. – С. 35–55.
27. Ленин В.И. Письмо М. Горькому 14 ноября 1913 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 48. – С. 226–229.

References

1. Slezkine Yu. The House of Government: A Saga of the Russian Revolution. Princeton, Princeton University Press, 2017, 1128 p.
2. Slezkin Iu. Dom pravitel'stva. Saga o russkoi revoliutsii [The House of Government: A Saga of the Russian Revolution]. Moscow, Corpus, 2019, 976 p.
3. Tsaritsyn A.M. Lenin v bor'be s bogostroitel'stvom [Lenin in the struggle against God-building]. Moscow, Ob`edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv, Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo, 1939, 53 p.
4. Rozenberg E.I. Razoblachenie V.I. Leninyam reaktsionnoi sushshnosti «bogoiskatel'stva» i «bogostroitel'stva» [Disclosure by V.I. Lenin of the reactionary essence of "God-seeking" and "God-building". *Edinstvo Kommunisticheskoi partii – glavnoe uslovie ee sily i nepobedimosti*. Novosibirsk, 1961, pp. 52–76.
5. Pimenov V. Iu. Filosofii bogostroitel'stva kak invariant russkogo marksizma [Philosophy of God-building as an Invariant of Russian Marxism]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2011, no. 6 (12), part III, pp. 150–153.
6. Liubutin K.H., Frants S.V. Rossiiskie versii marksizma: Anatolii Lunacharskii [Russian versions of Marxism: Anatoly Lunacharsky]. Ekaterinburg, Ural'skii universitet, 2002, 170 p.
7. Pimenov V. Iu. Bogostroitel'stvo i bogoiskatel'stvo kak paradigmy i strategii sotsiokul'turnogo razvitiia rossiiskoi tsivilizatsii [God-building and God-seeking as paradigms and strategies for socio-cultural development of Russian civilization]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no 11, pp. 160–163.
8. Lunacharskii A.V. Religii i sotsializm [Religion and Socialism]. Saint-Petersburg, Shipovnik, 1908, vol. 1, 234 p.
9. Protokoly Soveshchaniia rasshirennoi redaktsii «Proletarii» [Protocols of the meeting of the extended editorial board of "Proletarian"]. Moscow, Partizdat, 1934, 294 p.

10. Bogdanov A.A. Desiatletie otluheniia ot marksizma. Iubileinyi sbornik (1904-1914) [Decade of Excommunication from Marxism. Anniversary collection (1904-1914)]. *Neizvestnyi Bogdanov*. Moscow, «AIRO-XX», 1995, book 3, 283 p.
11. Scherrer J. Culture Proletaireienne et Religion Socialiste entre Deux Revolutions: Les «Bolsheviks de Gauche». *Europa 2* (Spring 1979), pp. 67-90.
12. Steila D. Bogostroitel'stvo i avtoritarizm: problema sootnosheniia bol'shevizma i religii [Godbuilding and Authoritarianism: A Discussion of Bolshevism and Religion]. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*, 2019, no. 37(1-2), pp. 541–566.
13. O'Konnor T. Anatolii Vasil'evich Lunacharskii [Anatoly Vasilyevich Lunacharsky]. *Voprosy Istorii*, 1993, no. 10, pp. 28-46.
14. Lunacharskii A.V. Avtobiograficheskaia zametka [Autobiographical note]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow, Nauka, 1970, vol. 82, pp. 550-553.
15. Lunacharskii A.V. Religii i sotsializm [Religion and Socialism]. Saint-Petersburg, Shipovnik, 1911, vol. 2, 398 p.
16. Lunacharskii A.V. K voprosu o filosofskoi diskussii 1908–1910 gg. [To the question of philosophical discussion of 1908-1910]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow, Nauka, 1970, vol. 82, pp. 497-501.
17. Lenin V.I. Materializm i empiriokrititsizm [Materialism and Empiriocriticism]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 18, pp. 7-384.
18. Borev Iu. Lunacharskii [Lunacharsky]. Moscow, Molodaia gvardiia, 2010, 303 p.
19. Lunacharskii A.V. Dvadtsat' tretii sbornik «Znaniia» [Twenty-third collection of "Znanie"]. *Literaturnyi Raspad*. Saint-Petersburg, EOS, 1909, book 2, pp. 84-119.
20. Kamenev L.B. Mezhdumia revoliuciiami [Between two revolutions]. Moscow, 1922.
21. Kamenev L.B. Mezhdumia revoliuciiami [Between two revolutions]. Moscow, Novaia Moskva, 1923, 634 p.
22. Lenin V.I. Ob otnoshenii rabochei partii k religii [About attitude of the working party to religion]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 17, pp. 415-426.
23. Lunacharskii A.V. Neskol'ko slov o moem «bogostroitel'stve» [Some words about my "God-building"]. *Ko vsem tovarishsham*. Paris, 1909, pp. 7-8.
24. Lunacharskii A.V. Ot Spinozy do Marksa. Ocherk po istorii filosofii kak mirosozercaniia [From Spinoza to Marx. Essay on history of philosophy as a worldview]. Moscow, Novaia Moskva, 1925, 133 p.
25. Zhukockii V.D. Bogostroitel'skoe otkrovenie Anatoliia Lunacharskogo [God-building revelation of Anatoly Lunacharskiy]. *Russkaia Reformaciia*. Moscow, Novyi khronograf, 2008.
26. Lebedev A.A. «Posledniaia religiiia» [“Last religion”]. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 1, p. 35–55.
27. Lenin V.I. Pis'mo M.Gor'komu 14 noiabria 1913 g. [Letter to M.Gorky 14 November 1913]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 48, pp. 226-229.